

Нарративный подход и проблема идентичности: вариант Поля Рикёра

The narrative approach and the problem of identity: variant of Paul Ricoeur

Соснин В.А.

Аспирант направления «47.06.01 Философия, этика и религиоведение», 2 курс, Пермский государственный национальный исследовательский университет
e-mail: vladimir.sosnin2012@yandex.ru

Sosnin V.A.

Postgraduate Student of Direction «47.06.01 Philosophy, ethics and religious studies», Perm State National Research University
e-mail: vladimir.sosnin2012@yandex.ru

Кудрин С.К.

Аспирант направления «47.06.01 Философия, этика и религиоведение», 1 курс, Санкт-петербургский государственный университет
e-mail: ward_93@mail.ru

Kudrin S.K.

Postgraduate Student of Direction «47.06.01 Philosophy, ethics and religious studies», Saint-Petersburg State University
e-mail: ward_93@mail.ru

Аннотация

В статье исследуется нарративный подход П. Рикёра к проблеме идентичности. Согласно данной точке зрения, идентичность опосредована повествованием субъекта о самом себе, описаниями, текстами. В структуре нарратива выделяются такие элементы, как сюжетная линия, интрига, автор. Показывается влияние нарративного подхода Поля Рикёра на понимание субъекта как дополнения агенса у Винсента Декомба. Подчеркивается, что нарративный подход представляет собой возможность для развития дальнейшей теории субъективности, благодаря тому, что он устраняет недостатки субстанционалистского и психологических подходов, при этом сохраняя их положительные стороны.

Ключевые слова: западная философия XX в., французская философия, Поль Рикёр, нарратив, нарративный подход, идентичность, самость, «Я», субъект.

Abstract

The article explores P. Ricoeur's narrative approach to the problem of identity. According to this point of view, identity is mediated by the subject's narration about himself, by descriptions, by texts. In the structure of the narrative, such elements as storyline, intrigue, and author are distinguished. The influence of the Paul Ricoeur's narrative approach on the understanding of the Vincent Descombes's subject as an addition of agent is shown. It is emphasized that the narrative approach is an opportunity for the development of the further theory of subjectivity due to the fact that it eliminates the shortcomings of the substantialist and psychological approaches, while maintaining their positive aspects.

Keywords: twentieth-century western philosophy, french philosophy, Paul Ricoeur, narrative, narrative approach, identity, self, "I", subject.

Идентичность как понятие и как феномен, включающий в себя многочисленные и многообразные характеристики и черты, является объектом исследования научных дисциплин, таких как философия, психология, социология, культурология, а также многих других. Для современной эпохи характерен «кризис идентичностей», «протекающий» как на личностном, так и на групповом, общественном, цивилизационном уровне. Тем самым, проблема идентичности связывается с проблематикой религиозного, культурного и национального самосознания. Так, промышленная революция XVII в. создает условия для ликвидации жесткой привязанности индивида к цеховой структуре, к определенному виду деятельности, а также стимулирует более свободный переход между стратами. Тем самым, место, занимаемое человеком, будь то рабочее место или место жительства, отнюдь не воспринимается им как нечто постоянное, особенно в периоды социальных и экономических трансформаций. Или, например, неприятие человеком социальной среды, взглядов и нравов «своего» круга, той социальной группы, приписанной человеку от рождения, происходящее ввиду того, что он (человек) идентифицирует себя не с «реальностью» или с социальным положением, но с идеалами, ценностными установками, которые не свойственны окружению или отторгаются им (тема Бельтова). Новые социальные структуры, отношения, экономическая система, формирование национальных государств, буржуазно-демократические революции формируют то, что принято называть национальной идентичностью, например, «возникновение новой и склонной к экспансии американской цивилизации self-made идентичности» [1, с. 28].

Проблема идентичности в современности стоит, как уже было отмечено, довольно остро. Она заключается в том, чтобы иметь возможность и способность самоопределиться и определить других как самого себя. Как и любая актуальная на сегодняшний день проблема, она имеет несколько вариантов решения. В данной статье будут рассмотрены три варианта с упором на один из них – нарративный подход П. Рикёра.

Но вначале стоит отметить несколько ключевых моментов касательно самой идентичности. Во-первых, она «есть не свойство (т.е. нечто присущее индивиду изначально), но отношение. Она формируется, закрепляется (или, напротив, переопределяется, трансформируется) только в ходе социального взаимодействия». Во-вторых, идентичность есть такое отношение индивидов к себе и самому себе, которое характеризует их как «целостностей» и наделяет качеством субъектности и которое может приписывать определенные характеристики и значения [2].

В истории мысли можно выделить несколько подходов в объяснении критериев идентификации индивида, а именно: 1) рассматривать через призму *социализации* – связей, практик, форм взаимодействия. Иначе говоря, анализировать каким образом разнообразные данности соотносятся с каким-нибудь человеком; 2) через отношение к самому себе с помощью своих способностей (например, познавательных). Ко второму типу логично отнести такие подходы, которые непосредственно связаны с проблемой тождества личности, как субстанционалистский, психологический и нарративный [3, с. 21].

Субстанционализм как идея классической западноевропейской мысли выражала собой поиск того основания, того достоверного, истинного бытия, которое скрыто чувственными иллюзиями, ложным знанием, «покровом» сиюминутного и изменчивого. Самый известный пример субстанционализма в решении проблемы тождества личности – это Cogito Декарта. Французский философ говорил, что акт сомнения свидетельствует о наличии того, кто сомневается, а, следовательно, кто мыслит, тот и есть. Достоверность положения «Я мыслю» покоится отнюдь не на факте *личного* мышления, но на достоверности самого мышления. Тогда Я есть тот, кто мыслит (сомневается, чувствует), «я — ум (mens), дух (animus), интеллект, разум (ratio)» [4, с. 23]. Я есть нечто, то есть то, что подлинно («по истине») существует, или вещь мыслящая.

Тождественность души, а значит, идентификация себя как «мыслящей субстанции» заключается в единстве и тождественности ее природы. Природу вещи выражают атрибуты,

модусы и специфические черты (бессмертие и простота души или плотность физических тел). Природа души заключается в мышлении, а именно в *осознании* ментальных процессов и образов (идей). Если субстанции протяженной «коей присуще иметь очертания, присуща также и способность передвигаться, так что вещи, имеющие очертания и способные двигаться, едины и тождественны по своей природе» [4, с. 311], то способности воления и понимания в свою очередь выражают единство и тождество души. Поясним, многообразие желаний, мыслей, образов, воспоминаний связано с определенными силами души, которые не могут существовать без мыслящей субстанции. Таким образом, идентичность себя как мыслящего существа покоится на способности мышления. «Я есмь, я существую — это очевидно. Но сколь долго я существую? Столько, сколько я мыслю» [4, с. 23].

Критика основополагающих принципов картезианства, в частности, со стороны того же английского эмпиризма заключалась в том, что акцентировался момент обнаружения вечной «константы». Рассмотрение данных опыта (идей, образов, страстей), в свою очередь, приводит к тому, что нет такого объекта, с которым можно соотнести понятие «души», кроме того, нет самого перехода от факта мышления к ее «субстанционализации». Западная мысль после краха гегелевской системы и «системного» идеализма обращается к тем условиям, которые формируют, или конструируют «субъекта», который уже понимается не как «точка» отсчета, но как пересечение нескольких «линий». В конечном счете, субъект редуцируется до многочисленных «анонимных» структур, социальных связей и отношений, языковых и неязыковых практик.

Психологический подход к решению проблемы тождества личности связан с именем Дж. Локка. Заключение о том, что личность X тождественна самой себе в разные моменты времени, основывается на том факте, что она идентифицирует себя с теми воспоминаниями, которые сохранились в ее памяти. Сам факт воспоминания, следовательно, осознание некоторых поступков и происходивших событий подводит к выводу, что они связаны с данной личностью. Но в то же время «белые пятна» и провалы в памяти создают проблемы с реидентификацией.

Преодолеть недостатки предыдущих методов и включить в себя положительные моменты стремится нарративный подход. «Сторонники нарративного подхода исследуют отношения принадлежности между личностями и их свойствами, отношения частей и целого. Они считают, что личность существует как делящаяся во времени нередуцируемая сущность, а не стадия, не эпизод» [3, с. 23].

Интерес к нарративу как объяснительной модели в социогуманитарном знании связывается с «открытием» в 1980-х гг. того, что повествовательная форма – и устная, и написанная – составляет фундаментальную психологическую, лингвистическую, культурологическую и философскую основу наших попыток прийти к соглашению с природой и условиями существования» [5]. В разнообразных формах жизни формируются и создаются смыслы и их возможности понимания. Нарратив как «модель» и «реальность» есть рассказываемая история. О ком? О том, кто рассказывает. Про что? Про ситуации, истории, поступки, объединенные сюжетной линией. «В сущности именно понятие нарратива было обобщено и расширено и в то же время специфицировано в широком спектре вопросов, которые включают исследование способов, посредством которых мы организуем нашу память, намерения, жизненные истории, идеи нашей “самости” или “персональной идентичности”» [5].

Одним из главных представителей нарративного подхода является Поль Рикёр. Для Рикёра нарративный подход служит, прежде всего, для решения проблемы тождества личности, проблемы идентичности и проблемы субъекта и субъективности. Следуя за логикой естественного языка, П. Рикёр проводит деление и смысловую границу между местоимением «Я» («soi») и местоимением «я» («je»), между возвратной и личной формой. Он подчеркивает «глубинную» разницу между идентичностью как *тождественностью* и идентичностью как *самостью* [6, с. 146]. Идентичность в смысле тождественности может

быть выражена посредством таких категорий как количество и качество. Так, под количественной идентичностью подразумевается наличие некоторых общих признаков у двух объектов, под качественной – присутствие в объекте в разные отрезки времени такой черты (признака), без которого объект не может существовать. К слову, обе категории напрямую связаны с временностью, выражают постоянство во времени. Самость противоположна субстанциалистским пониманиям сохранения «я», так как ее суть заключается в ответственности перед собой, в ее укорененности в бытии. В определении самости Рикёр следует за аристотелевским разделением «акта» и «возможности», под самостью понимается, в первую очередь, реализация, праксис, сохранение своего «я», выражающееся в моральных действиях.

Замысел одной из главных работ Рикёра «Я-сам как другой» формирует четыре вопрошания: *кто говорит? кто действует? кто рассказывает о себе? кто является моральным субъектом вменения?* [6, с. 33], но только в третьем можем обнаружить ту самую рефлексивную установку (возвратное местоимение *себя*) – это то, что В. Декомб заимствует у своего учителя П. Рикёра – в этом заключено их общее в теории субъекта (кроме того, Рикёр решительно отказывается от идеи абсолютной прозрачности Я, полного совпадения Я с самим собой, так же, как это сделает В. Декомб после него – в этом его отличие от всех картезианцев и других феноменологов). Таким образом, «субъект рассказанного действия» подразумевает того, кто ведет рассказ, а именно «человека *действующего и претерпевающего воздействие*» [6, с. 34]. Другими словами, если для идеализма положение «Я есть Я» понималось как ясное и непосредственно понимаемое, то для того же П. Рикёра целью являлось создание теории конкретной субъективности, поэтому он и использует «косвенный, обходной анализ, предпочитающий опосредование знаками, символами и текстами, т. е. структурами, которые конститутивны для человека в той мере, в какой он способен обозначать себя как говорящего, действующего, само-рассказывающего и вменяемого» [7, с. 103].

В качестве яркого примера нарративного произведения можно назвать повествовательный текст (например, автобиографии, или литературные произведения, основанные на ней). Автор выражает в своей работе определенный смысл, который прочитывается читателем, другими словами, произведение «отделяется» от самого автора. Индивидуальность «воплощается» в произведении. «Этот способ для произведения удерживать свой смысл, и даже свое существование в качестве произведения только от другого, подчеркивает чрезвычайную хрупкость отношений между произведением и автором — настолько посредничество другого является определяющим для его смысла» [6, с. 190]. Рассказанная история рассказывает саму себя. «Всякий рассказ одновременно дает ответ на вопрос *почему?* и на вопрос *что?* сказать, что произошло, — значит сказать, почему это произошло» [8, с. 176]. Любая специальная история (скажем, история народов или понятий) «распадается» на подмножества малых историй, включающие сюжет, результаты и процедуры историй. Единство рассказа заключается в «синтетическом единстве» событий (целей, действий, результатов), или в интриге. «Интрига — это операция, которая позволяет включить в повествовательную композицию (рассказ) как согласованные, упорядоченные, так и несогласованные (перипетии, превратности судьбы) элементы» [7, с. 108]. Интрига может носить либо характер *живой метафоры*, как предикативное соответствие, либо *вымышленной*, т.е. «новое соответствие в строе событий» [8, с. 7]. Выделение каждого «элемента» рассказа обладает функциональным значением не в смысле «анализа» как «разложения» на простое, но только для прояснения «цельности» нарратива. Объяснение (комментирование, интерпретация) ряда событий требует обращения к «схемам» интеллигибельности, т.е. к тем канонам, правилам, которые фундируют понимание.

События, о которых рассказывается, включаются в нарратив. Всякий нарратив является авторским нарративом, или пронизан «авторским» голосом. Так, формирование определенного канона в историографии происходит путем «включения» каких-либо фактов

или наоборот, оценки действий исторических персонажей, результатов их деятельности, акцентирование на определенных понятиях («прогресс», «свобода» и т.п.). «Это является примером того, что нарративная форма, выработанная в ходе развития культуры, предполагает не только внутреннюю наррацию каждого отдельного индивида, но и опосредующий ее опыт межличностных отношений» [9, с. 8].

Автор может быть как одним индивидом, обращаемым к аудитории, так и коллективом, который создает свою историю, свою идентичность. «Посредством историй мы конструируем себя в качестве части нашего мира» [5]. Любой нарратив связан с другим, пронизан логикой культуры, языка, мышления. «Поскольку мы с самого детства выросли в рассказывающей истории репертуар нашего языка и нашей культуры и используем его таким же привычным и спонтанным способом, как и язык вообще, нарратив стал “прозрачным”» [5].

Идентифицировать себя, говоря словами Рикёра, значит быть уверенным, что мы существуем в качестве самости [6, с. 354]. Наконец, нужно подчеркнуть, что нарративный подход заключается не столько в «перекодировке» фактов или явлений, но сколько именно в прочтении их, и нас самих как действующих субъектов.

В качестве заключения стоит отметить, что нарративный подход на сегодняшний день является наиболее адекватным и перспективным из существующих при решении проблем, связанных с самосознанием: проблемой идентичности, проблемой тождества личности, проблемой субъекта и т.д., благодаря тому, что он устраняет недостатки субстанционалистского и психологических подходов, при этом сохраняя их положительные стороны. Однако и он имеет свои недостатки, в частности, в некоторых своих вариантах он не учитывает социально-культурную обусловленность языка (рикеровский вариант учитывает), порой превышает свои реальные возможности, притязая на универсальность, а также не проводит никакой связи между языком и реальностью. Эти недостатки нарративного подхода, в конце концов, должны дать ему стимулы к развитию.

Литература

1. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – Москва: Издательская группа «Прогресс», 1996. – 344 с.
2. Малахов В.С. Идентичность // URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH0139aee26d501a6d86199339/> (дата обращения: 10.02.2019)
3. Волков Д.Б. Нарративный подход как решение проблемы тождества — Вестник СПбГУ. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. — Вып. 4. – С. 21–32.
4. Декарт Р. Сочинения в 2 т. Т. 2 – Москва: Мысль, 1994. – 633 с.
5. Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы — Вопросы философии. – 2000. – №3. – URL: <http://galapsy.narod.ru/PsyNarrative/Brockmeier.htm> (дата обращения: 10.02.2019).
6. Рикёр П. Я-сам как другой. – Москва: Издательство гуманитарной литературы, 2008. – 416 с.
7. Тета, Ж.-М. Нарративная идентичность как теория практической субъективности. К реконструкции концепции Поля Рикёра — Социологическое обозрение. – Т. 11. – № 2. – 2012.
8. Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. — Москва; Санкт-Петербург: Университетская книга, 1998. – 313 с.
9. Агафонова Е.В. Перспективы субъективности в контексте нарративной проблематики: Автореферат ... канд. филос. наук. Томск, 2005. 12 с.